

В диссертационный совет Д002.042.03
на базе ФГБУН «Институт востоковедения РАН»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
Жуковской Наталии Львовны

**на диссертацию Баатра Учаевича Китинова «Буддийский фактор в
политической и этнической истории ойратов (середина 15 в. – 1771 г.)»,
представленную на соискание ученой степени**

**доктора исторических наук по специальности по специальности
07.00.03. Всеобщая история (средние века)**

Тема роли буддийского фактора в истории ойратов является чрезвычайно интересной и важной для понимания истории как самого народа ойратов, так и государств, созданных ими: Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств. Буддизм, с которым ойраты познакомились еще в период монгольских завоеваний, а то и ранее этого времени, оказывал безусловно важное воздействие на их политическую и этническую историю. Кроме того, ойраты играли значимую роль в истории народов и государств Центральной Азии в указанный период.

Однако исследователи истории ойратов, как правило, не уделяли нужного внимания этой особенной стороне жизни ойратов, предпочитая изучать более их военную историю, историю миграций и особенно российский период (историю калмыков). Эти темы также важны для понимания прошлого ойратов, но для изучения роли религии, в частности буддийского фактора, очень важно представлять их центрально-азиатский период истории, не только роль лам, но и влияние определенных исторических обстоятельств и условий, воздействие на них Тибета, Китая и Монголии, значение буддийских традиций и др. Следовательно, существенное значение обретают комплексное изучение буддийского фактора в истории всех ойратов, в частности хошутов, джунгаров и калмыков.

С указанной точки зрения диссертационная работа Баатра Учаевича Китинова является собой весьма масштабное исследование одного из важных вопросов в изучении особенностей истории ойратов, а именно – влияния на их политическую и этническую историю буддийского фактора. Работа написана на обширном источниковом материале (архивных данных, трудах видных тибетских буддийских деятелей, работах и свидетельствах современников), с привлечением значительного объема работ исследователей.

Во Введении автор излагает актуальность темы, объект и предмет исследования, указывает хронологические рамки (с. 8-12). Считаю нужным отметить, что автор совершенно справедливо отметил необходимость опустить раннюю рамку исследования к XIII в., поскольку, как показывает

содержание соответствующей (второй) главы диссертации, без изучения ряда вопросов, относящихся к той эпохе, некоторые темы (например, ранние религиозные верования ойратов, определение их *калмаками*, история Первой конфедерации и др.) более поздней истории ойратов было бы трудно раскрыть. Цель диссертации обозначена корректно, так же определены и исследуемые задачи (с. 12-14). Представляет интерес мнение Б. У. Китинова относительно того, почему им не использовано слово «калмыки» в заглавии работы (с. 15). Научная новизна и оригинальность диссертации очевидны; как отмечает сам автор, это первое в отечественном и мировом востоковедении исследование, посвященное выявлению значительной роли буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов (с. 16). Основные положения, выносимую на защиту, состоят из 11 пунктов и охватывают наиболее существенные достижения исследования (с. 17-22). Результаты диссертационной работы могут быть полезны для изучения этнического, политического развития кочевых сообществ, для теоретических разработок при исследовании процессов коммуникаций, при преподавании обществоведческих дисциплин (с. 22-23).

Структура работы выстроена логично, вопросы раскрываются последовательно, с использованием необходимых источников и мнений специалистов.

В Первой главе «Историография, источники и методологические основы исследования» (с. 27-77) автор дает критический обзор работ предшественников. Он подразделяет те труды на шесть категорий, исходя из принципа «от общего к частному» (с. 27). Следует отметить, что автору удалось привлечь к исследованию не только наиболее значимые публикации (например, классические работы: Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков...», И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства», работы Н.Н. Пальмова и др.) (с. 28), но также малоизвестные для наших ученых труды специалистов из КНР и Монголии (работы Хошууд Цэнгэла, Хо Бадая, На. Сухбаатара и др.) (с. 30). Важной представляется вторая категория, где рассматриваются труды по истории буддизма у ойратов, и здесь он показал хорошее знание работ ученых из России (прежде всего, калмыцких специалистов), а также монгольских (Л. Тэрбиш) и китайских (К. Лидже) исследователей (с. 32). Из третьей категории внимание привлекают работы, которые, хотя и вышли в свет достаточно давно, тем не менее, не часто используются учеными: Х. Хаслунда (с. 34), Ю. Ишихамы (с. 34), и современных европейских ученых (А. Бирталан, А. Барейя-Старжинска, И. Шарли) (с. 35). Четвертая категория по праву представлена как самая объемная, поскольку она посвящена столь комплексному вопросу, как буддизм в Тибете, Монголии и Китае (с. 35-40); как отмечает Б. У. Китинов, «ойраты упоминаются практически во всех трудах, изучающих буддизм у соседних народов и стран в исследуемый нами период, что и обуславливает большой объем использованных в работе отечественной и зарубежной научной литературы» (с. 35). Здесь дается критический обзор трудов Ю. Н. Рериха, Н. Л. Жуковской, Г. С. Гороховой, из зарубежных – В. Хейссига, Ш.

Биры, С. Ч. Даса, Д. Снеллгроува, Дж. Туччи, Л. Петека, Э. Сперлинга и др. Пятая категория посвящена работам, изучающих специфические или малоизученные аспекты буддизма, и оказалась полезна для изучения роли отдельных аспектов буддийского фактора. Автор рассматривает работы А. С. Мартынова, Т. Д. Скрынниковой, Ц. П. Пурбуевой, из зарубежных ученых – работы М. Эйриса, Х. Кабезона, М. У. Кинга и др. Важной является шестая категория, где отмечаются труды, в которых изучаются соседние народы и культуры; в частности, это работы Б. Я. Владимирцова, В. В. Бартольда, В. С. Мясникова, О. Е. Непомнина, а также К. Этвуда, Ж. Кундакбаевой, В. Д. Шакабы, М. Капшейна и др.

Вторая часть первой главы посвящена рассмотрению солидной базы источников, которая так же, как и историография, разбита на части – группы источников (с. 47-64). Первую группу составляют архивные материалы из таких важных архивов, как АВПРИ, РГАДА и НАРК; автор дает их краткое описание (упоминает и документы, уже изданные в сборниках) и отмечает их важность для изучения поставленной темы. Кроме того, Б. У. Китинов отмечает ценность собраний материалов и документов в архивах и хранилищах в Индии (в Архиве тибетских работ в Дхарамсале) и КНР (Китайский тибетологический исследовательский центр в Пекине), где ему также удалось поработать и получить консультации. Вторую группу составили источники на тибетском языке: труды Кунга Дордже, Паво Цуглака, Далай-ламы Пятого, «Биография Пхоланая» и др. Третью группу составили источники на монгольском и ойратском языках: например, наряду с широкоизвестными работами «Эрдэнийин тобчи», «Шара туджи», «Алтан тобчи» и др., были привлечены и малоизвестные: «Жемчужные четки», «Торгудын гарулга», «История Хо-Орлока» и др. Важными для работы явились тюркоперсидские (четвертая группа источников, труды Рашид-ад-Дина, Джувейни, Мухаммада Хайдара и др.), китайско-маньчжурские («Цин шилу», записки генерала Фунингги и др.) и европейские (описания путешествий Марко Поло, Плано Карпини, заметки И. Дезидери и др.) источники. Особняком стоит седьмая, последняя группа источников – сутры. Автор указывает, что у ойратов имели распространение три сутры: Алмазная, Золотого Блеска, и сутра Сердца. Они позволили ему «уточнить отдельные духовно-теоретические аспекты содержания буддийского фактора в истории западных монголов» (с. 63).

Следующая часть главы – «Теоретико-методологические основания исследования» (с. 64-77). Автор не только отмечает использованные им принципы и методы (историзма, научной объективности, структурный и системный методы), но также указывает работы специалистов, которые оказались полезны в данном контексте. Полагаю ценным его замечание, что для исследований могут быть полезны современные теории и методы, в связи с чем он использует подходы Ф. Барта, Ш. Эйзенштадта, А. Вендта (с. 67). Именно в этом параграфе Б. У. Китинов раскрывает содержание и значение понятия «буддийский фактор»: последовательно излагает содержание сутр:

«Сутры Сердца», «Алмазную сутру» и «Сутру Золотого Света / Блеска», и анализирует их в контексте влияния на ойратов.

В последующих главах автор обстоятельно обсуждает вопросы, заявленные для раскрытия темы.

Вторая глава «Ойраты в монгольский и постмонгольский периоды: религия и этнос» во многом охватывает период, заложивший основания для последующих перемен в истории ойратов. В первом параграфе автор изучает: их раннюю этнополитическую историю (происхождение слова «ойрат» и народа, зовущегося этим именем (с. 78-79), при этом автор примыкает к той группе историков, что соотносят смысл этнонима со значением «союзник» (с. 81-82); роль тюркского этнического компонента (с. 80); состав ойратов (с. 82); этапы их подчинения монголам (с. 87-88); перемещение ойратов из Южной Сибири в регион, примерно соотносимый с СУАР КНР (с. 88-89). Второй параграф посвящен их религиозным воззрениям, при этом автор акцентирует сакральность фигуры ойратского лидера Худуха-беки (с. 90-91), роль шаманизма у ойратов и монголов (с. 91-93), упоминает о влиянии христианства и буддизма у монгольских народов (с. 92-98). В связи с начавшимся процессом распада единой империи ойраты оказались в стане противников Хубилая, основателя династии Юань (с. 99-101). Параграф 2.2.1. раскрывает особенности религиозного и политического развития ойратов в период середины XIV в. и до середины XV в. Автор выделяет борьбу ойратов с восточными монголами (с. 104-108), начавшуюся после падения династии Юань, и упоминает ойратских лидеров: Батулу, Батуболо и Тайпина (с. 105). Отделение ойратов от восточных монголов автор отмечает как имевшее принципиальное значение и для первых, и для вторых (с. 109). Вполне можно согласиться с таким мнением автора, что ойратам нужна была новая идеология, способная противостоять праву чингисидов на правление; в поисках такой идеологии они обратились к буддизму, и далее он приводит сведения из источников (с. 110-111). Также дается информация о просьбах Эсэна-тайши к императору Китая выдать его посланникам-ламам церемониальные инструменты и титулы (с. 113-114). Внутренние трения и противоречия у ойратов обусловили гибель Эсэна и падение влияния ойратов (с. 117). Важной представляется та часть этого параграфа, где обсуждается возможность наличия мусульман среди ойратов (с. 118). Параграф 2.2.2. посвящен Первой, или Ранней, конфедерации ойратов, появившейся после освобождения ойратов от власти восточных монголов, «где основная и консолидирующая роль принадлежала буддизму» (с. 122). В связи с последним обстоятельством он выделяет такое событие, как присоединение к ойратам торгутов, и далее он рассматривает историю этого народа (с. 122-124). Автор приходит к выводу, что Первая конфедерация ойратов образовалась в период второй трети XV в., и существовала до конца того же века, и приводит сведения о ее составе (с. 125-126). В параграфе 2.3.1. автор рассматривает мнения ученых о происхождении этнонима «калмык». Ссылаясь на средневековые источники, в т.ч. карты, он приходит к объективному выводу, что его возникновение было связано с религиозным

фактором, а само слово изначально соотносилось с топонимом «Калмак» - землями, примерно соотносимыми с территорией СУАР КНР (с. 132-135). Он справедливо считает, что топоним для ойратов стал их этнонимом, т.к. последние не были мусульманами – именно так называли и определяли прежних жителей этого региона (с. 139). Этот момент из работы Б. У. Китинова представляется крайне важным – до этого подобные мнения, разве что за исключением близкого по значению предположения В. В. Бартольда (с. 135), отсутствовали. В последнем параграфе этой главы Б. У. Китинов обсуждает тему конвертации ойратов в Персии в ислам (с. 146-158), где выделяет значение идентичности (с. 156).

Третья глава «Буддизм в политике ойратов периода с последней трети XV в. по 1640-е гг.» охватывает принципиально важный период в истории роли буддийского фактора у ойратов. В 3.1.1. автор отмечает роль религии в становлении и развитии Второй (Средней) конфедерации ойратов, причем он уделяет внимание изучению религиозных причин исхода элётов от ойратов и их последующего исчезновения (с. 159-165). Ойраты ослабели, и смогли сохраниться лишь благодаря образованию Второй конфедерации, в чем немаловажная роль принадлежала религии (с. 167). Конфедерация была создана до 1570 г., и автор указывает ее основных членов (с. 169-170), но теперь во главе ойратов стали, вместо чоросов, хошуты (с. 173). Последующие два параграфа (3.1.2. и 3.2.1.) более акцентируют монгольский контекст событий, связанных с распространением и утверждением учения Гелук среди монгольских народов, а также причины осложнения религиозной ситуации в регионе близ оз. Кукунор (в Амдо). Автор упоминает маньчжуротов, заинтересованных в подчинении монголов, чье внимание к Тибету усиливается ввиду захвата этого региона хошутским Гушиханом (с. 197-211). Автор пишет о постепенном подчинении Тибета ойратами, и роли в этом процессе иерархов Гелук (с. 201-202). События, связанные с подчинением Кукунорского региона, возможно, повлияли на то, что за ойратами-элётами Батура-хунтайджи закрепился этноним «джунгары» (с. 206). Привлекает внимание такое заключение автора: «в XVII в. наблюдается глобальная тенденция к культурному соответству и возврат к религии как основе для сильных и стабильных политических структур» (с. 210). Параграфы 3.3.1. и 3.3.2. связаны единой темой – изучением этнополитических причин распада Второй конфедерации и, как следствие, образования Джунгарского ханства как Третьей (Поздней) конфедерации. Здесь автор рассматривает причины ухода торгутов и части других ойратов в Россию (с. 214-215), и отмечает роль буддийского фактора в становлении ойратских ханств (с. 217). Эти же перемены повлияли на появление среди ойратов особых социальных групп томутов и шабинеров (с. 221-223); на стр. 231 упоминаются основные члены Третьей конфедерации. В тот период происходят изменения в идентичности ойратов, когда они стали более определять себя по этническому и территориальному принципу (с. 235-236).

Четвертая глава «Тибетский фактор в этно-религиозном развитии ойратов в период с 1640-х по 1690-е гг.» состоит из пяти параграфов, и

изучает влияние буддийского фактора по отдельным ойратским народам – у хошутов, джунгаров и калмыков. Автор отмечает ослабление влияния хошутов в тибетских делах (с. 242), хотя Далай-лама сохранял свое влияние на них: так, его представитель всегда принимал участие в съездах хошутов Кукунора (с. 246). Параграфы 4.2.1. и 4.2.2. посвящены деятельности Галдана Башогту-хана – известного джунгарского правителя. Интерес представляет информация о сложных отношениях между Галданом (джунгарами) и кукунорскими правителями (хошутами) (с. 255-256). Важным для раскрытия вопроса о роли буддийского фактора у джунгаров являются стр. 258-259: как пишет автор, «они **уже** «имплантировали» трансцендентность в бытии, поддержав желтошапочников... религия (буддизм) стала восприниматься ими как сущностная для сохранения своего образа жизни... поддержка Гелук и Далай-ламы – как необходимое (кармическое) **действие**». Параграф 4.3.2. насыщен новыми данными о роли буддийского фактора в политике таких первых калмыцких правителей, как Дайчин, Пунцог и Аюка, что стало возможно благодаря использованию такого важного источника, как «Автобиография» Пятого Далай-ламы. Также в этой главе в параграфе 4.3.1. автор уделяет внимание таким важным законодательным актам ойратов, как законы 1640 г. («Их Цаас»), указы Галдана Башогту-хана, «Монгольское уложение» Гуши-хана, «Основное уложение Кукунорского чулгана» (законы хошутов).

Пятая глава посвящена изучению роли буддийского фактора в политике ойратов в 1690-х – 1740-х гг. Параграф 5.1.1. посвящен постепенному укреплению цинским двором своего влияния на кукунорских хошутов, что случилось по экономическим причинам (с. 313). Немаловажными были и религиозные причины, т. е. роль отдельных лам (с. 314-315). Ослаблению хошутов способствовали и перипетии в политической жизни Тибета, где после братоубийства к власти пришел гьялло Лхавзан, вступивший в борьбу с регентом Санье Гьяцо и позже со ставленником последнего – Далай-ламой Шестым, в результате чего последние оба погибли (с. 319, 320). Дальнейшие события в Тибете будут определяться ролью следующего Далай-ламы, который вырастет под охраной кукунорских хошутов (с. 321-323). Параграф 5.1.2. логично дополняет предыдущий – он излагает, прежде всего, религиозные причины вторжения джунгаров в Тибет в 1717 г., и последующие события, приведшие к вторжению цинских войск и установлению цинского влияния в Лхасе. Чрезвычайно интересными являются приведенные из цинского источника сведения о видении джунгарским лидером Цэван-Рабданом религиозных нюансов ситуации в Лхасе накануне ее захвата джунгарами (с. 331-334). Параграф 5.2.1. продолжает хошутскую тему, но уже выделяя ее особенную часть – вопрос идентичности и принадлежности к хошутам. По мнению автора, она была неустойчивой (с. 340-341) ввиду роли такого мощного культурно-идеологического фактора, как тибетский; давление Цинов, в т.ч. в идеологической сфере, обусловило восстание кукунорских хошутов в 1723 г., которое было жестоко подавлено (с. 344-345). Кроме того, хошутский фактор

сыграл свою роль при утверждении Пхоланая новым тибетским правителем (с. 347).

Параграф 5.2.2. посвящен роли религии в политической истории Калмыцкого ханства в период правления Аюки и его сына Церен-Дондука. Как пишет автор, «Аюка ревностно почитал учение буддизма, слава о его духовных поступках доходила до тибетских иерархов» (с. 354). Важную роль в политической и религиозной жизни ханства играл Шакур-лама, рассмотрению деятельности которого посвящено немало страниц работы (с. 355-361). Следующий параграф 5.3.1. «Буддийский фактор в этнополитической стратегии Цинской империи во взаимоотношениях с Калмыцким ханством» продолжает калмыцкую тему, выделяя политику Цинской династии в отношении Калмыцкого ханства. Автор выделяет посольство в Тибет, начавшееся в 1729 г., и встречное посольство от Цинов, отправленное для поздравления наследника Аюки со вступлением во власть (с. 364, 366). Цинские посланцы хотели вступления калмыков в войну против джунгаров, но Церен-Дондук отказался (с. 367). Маньчжуры пытались воздействовать и на членов калмыцкого посольства, но также безрезультатно (с. 379). Параграф 5.3.2. вновь акцентирует состояние буддизма в Калмыцком ханстве, в связи с чем автор пишет о роли томутов (как правило, калмыков-мусульман) в окружении следующего калмыцкого правителя Дондук-Омбо (с. 382). Интерес представляют и мнение автора о значении статуи Сандалового Будды для калмыков (с. 383-385), и стремлении Д. Назарова образовать «нутук» в пределах или у границ Цинской империи (с. 387). Последовавшие при Дондук-Омбо попытки новой делегации к Далай-ламы оказались безрезультатны (с. 390).

Заключительная, шестая глава «Буддизм в государствах ойратов периода с 1740-х гг. по 1771 г.» затрагивает историческую судьбу Джунгарского и Калмыцкого ханств. Если в параграфе 6.1.1. «Политико-управленческие традиции Джунгарии и роль религиозного фактора» автор более уделяет внимание внутренним контекстам жизни Джунгарского ханства (особенности управления – с. 395-396, буддизм при Галдан-Церене – с. 400-401, отношения джунгаров с калмыками – с. 402, отношения с империей и Тибетом – с. 403-405, и др.), то в следующем параграфе изучаются условия, при которых происходило падение Джунгарии. Безусловной заслугой автора является выявление данных из цинских источников, наиболее наглядно отображающих использование буддийского фактора в цинской политике в отношении джунгаров (с. 410-414).

Следующие два параграфа (5.2.1. «Конфессиональный аспект этнополитических перемен в Калмыцком ханстве» и 5.2.2. «Буддийский фактор в политике Цинской империи и крах Калмыцкого ханства») посвящены Калмыцкому ханству. Они затрагивают период правления Дондук-Даши и его сына Убashi, при котором большая часть калмыков вернулась на земли прежней Джунгарии. Автором выделяется проблема христианизации калмыков (с. 427-429), изучаются особенности посольства от Дондук-Даши к Далай-ламе 1755 г. (с. 429-430), особенности религиозной

ситуации. Важной частью параграфа 5.2.1. является информация о законах «Тогтол» (с. 436-440), которые «дополняли законы 1640 г. и должны были отвечать требованиям своего времени» (с. 440). Для калмыков ограничения контактов с Тибетом и Далай-ламой представлялись для наиболее тяжелыми (с. 443), тем более, что они были связаны с вопросом о получении ханских регалий от Далай-ламы. Важными являются сведения о жизни и деятельности ламы Анджатана, в т.ч. и его инкарнации Лобсан Данзина (с. 448-451). Параграф 5.2.2. заканчивается определением роли буддийского фактора в политике цинских властей по отношению к калмыкам, в итоге повлиявшее на их исход в начале 1771 г. Параграф 5.3. носит обобщающий характер: автор изучает роль политики, вопросов этничности и влияния буддийского фактора на политическую и этническую историю ойратов: особенности истории ойратских конфедераций (с. 459), значение религиозного и этнического дискурсов у ойратов, в т.ч. и с цинской точки зрения (с. 461-465), роль института шаджин-ламы (с. 466-470). Диссертация заканчивается Заключением, списком источников и литературы.

В целом диссертация Б.У. Китинова производит очень благоприятное впечатление как добросовестно подготовленная, фундированная научная работа. Она основана на масштабной источниковой базе, классической и последней литературе по теме, отличается новизной постановки научной проблемы, содержит важные для исторической выводы и заключения. Однако следует высказать ряд замечаний:

1. Автором выделены три конфедерации ойратов – Ранняя, Средняя и Поздняя,дается их периодизация и возможный этнический состав. Последней конфедерацией обозначена Джунгария; вместе с тем, по мнению автора, и остальные ойратские государственные образования (Хошутское и Калмыцкое (Торгутское)) звались как Четыре ойрата (с. 233-234). Но автор, хотя и останавливается на этническом составе этих других Четырех ойратов, не изучает вопрос, почему они так назывались.

2. Этническое развитие ойратов является давней сложной проблемой в этнографии. Использование сведений из такого редкого источника, как «История Хо-Орлока», позволяет совершенно по-новому взглянуть на их этническую историю. Тем не менее, проблема продолжает сохраняться по-прежнему и более того, появляются ее новые грани: почему диссертант отстаивает мнение автора «Истории...» о наличии именно трех конфедераций? Почему нельзя объединить первую и вторую конфедерации, ведь история второй, фактически, представляет собой дальнейшее развитие первой, только без роли прежних лидеров – элётов?

3. Поскольку в работе часто используются понятия «буддизм», «буддийский фактор» и т.п., автору следовало бы более корректно обозначать те или иные определения и термины, относящиеся к этой мировой религии. Однако даже в самых принципиальных положениях в тексте присутствуют разнотечения:

например, используются такие понятия, как «инкарнация» (напр., с. 251, 262, 264, 345) и имеющее то же значение слово «воплощение» (с. 40, 174, 183, 266), при этом первое, будучи порождением европейской культуры, некорректно передает смысл феномена; нет четкого указания, почему в случае, относящимся к появлению воплощения тибетского ламы используется монгольское слово «хубилган» (с. 317), и наоборот, в отношении определения воплощенца среди монгольских народов используется тибетский термин «тулку» (с. 264).

4. Представляется некорректной формулировка «буддизация ойратов» (с. 145), т. к. она предполагает проведение последовательной продуманной конфессиональной политики, но этого у ойратов в дочороский период (к которому и относится этот процесс) не было, т. к., как отмечает сам автор, он начался лишь с периода правления Эсэна, с сер. XV в. Однако автор относит «буддизацию» именно к дочороскому периоду. Вместе с тем, аналогичные понятия «христианизация» или «исламизация» ойратов вполне уместны, поскольку они отражали специальную политику властных кругов.

5. На с. 211 отмечено, что «весь восток и центр Тибета были покорены им [Гуши-ханом] и подарены в правление главе Гелук. В Тибете сложилась особая система управления: в контексте отношений чой-йон возник дуумвират, когда власть (военно-политическая) в стране принадлежала дипе и Гуши-хану, а Далай-лама был выведен за пределы этих отношений, тем самым сохраняя, в известном смысле, свою независимость». На мой взгляд, автор несколько поверхностно описал особенности управления в Тибете того периода, поскольку Гуши-хан передал верховную власть над Тибетом именно Далай-ламе, который оставался выше регента (дипы). Иначе говоря, дуумвират не относился к высшей власти в Тибете, т. е. политическая власть сохранялась за Далай-ламой. Но в ряде периодов фактическую власть осуществляли, действительно, регенты.

6. На с. 406 автор пишет: «В Джунгарском ханстве после событий 1717 – 1720 гг., как представляется, произошло смещение акцентов в религиозной сфере: при продолжавшейся поддержке школы Гелук, предпочтение стало отдаваться личности не Далай-ламы, а Панчен-ламы», однако не приводит никаких ссылок, обеспечивающих правоту такого утверждения.

7. Имеются накладки технического плана: встречаются тавтологии: «касается реального положения дел в вопросе положения буддизма у калмыков» - с. 473; различные трактовки имен: Эсэн – Эсен; Альберт Д'Орвиль (с. 137) - Альберт де Дорвилль (с. 205); некорректно используется ссылка «цит. по» (с. 330).

Приведенные критические замечания имеют целью дальнейшее совершенствование материала, данного в настоящей диссертации, носят рекомендательный характер и не меняют общей высокой положительной

оценки диссертационной работы Б. У. Китинова. Им проведено серьёзное самостоятельное исследование на важную научную актуальную тему; собран и проанализирован большой объем источников; систематизированы и обобщены подходы к изучаемой проблеме; сформулированы убедительные и вполне обоснованные выводы. Кроме того, представленное исследование содержит выводы, применимые в различных областях научного знания (истории, культурологии, религиоведения, политологии).

Автореферат соответствует содержанию диссертации, ее главные идеи и положения изложены в публикациях автора, в том числе в 3 (трех) индивидуальных монографиях, 5 (пяти) коллективных монографиях, 22 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ в качестве рецензируемых для защиты кандидатских и докторских диссертаций, и более 40 иных публикаций, также следует принять во внимание участие во множестве научных конференций и семинаров, и использование результатов на занятиях со студентами, в т.ч. в зарубежных вузах (с. 23-26).

Диссертация Баатра Учаевича Китинова «Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.)» является самостоятельным, завершенным научным исследованием, в котором решена актуальная задача, имеющая важное научное значение.

Диссертация соответствует п.п. 9-14 «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 30.07.2014 г. № 723, от 28.08.2017 г. № 1024), предъявляемым к докторским диссертациям, а её автор Б. У. Китинов заслуживает присуждения степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 Всеобщая история (средние века).

Официальный оппонент
Доктор исторических наук
(07.00.07 – Этнография, этнология и антропология),
Профессор,
Заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований
ФГБУН «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая»

Н.Л. Жуковская
3 июня 2020 г.

119334 Москва, Ленинский проспект, 32а

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук»

Тел. раб. +7 (495) 938-17-47

<http://iea-ras.ru/>